

The background of the cover is a dark gray grid. Overlaid on this grid are black silhouettes of various city buildings and structures. In the upper left, there is a yellow circle representing the moon. In the center, there is a large, solid orange silhouette of a person wearing a wide-brimmed hat. The person's face is represented by a single black dot for an eye. The overall style is graphic and minimalist.

Олег Ока

Температура тела

повесть

Олег Ока

Температура тела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41831062

ISBN 9785449644749

Аннотация

Гениальный роман Оруэлла «1984» устарел? Или, наоборот, снова стал злободневным? Злоключения героя – это опыт автора. Это наша жизнь, в книжке всё правда, а правда – гораздо сложнее. Герой не дошёл до суицида только благодаря философской позиции. Но остался ли он человеком? Система ломает не только людей, но и философию...

Содержание

ТЕМПЕРАТУРА ТЕЛА	5
1	6
2	10
3	13
4	15
5	19
6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Температура тела

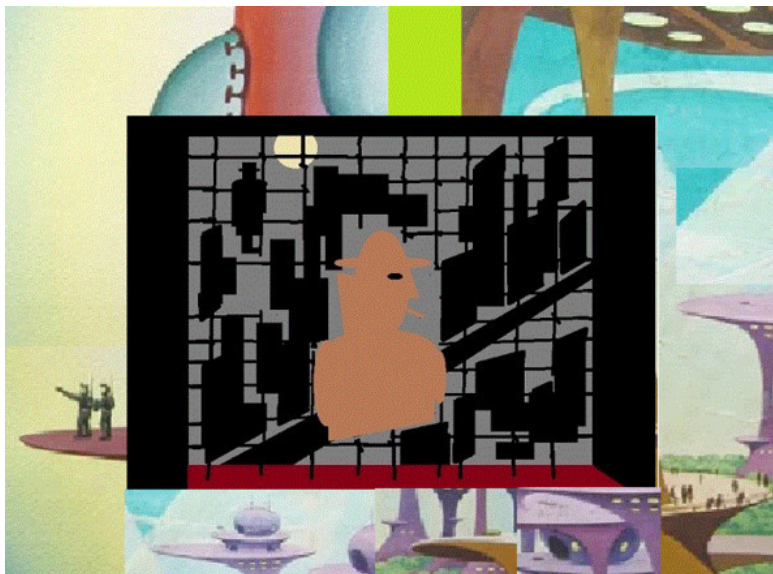
Олег Ока

© Олег Ока, 2019

ISBN 978-5-4496-4474-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТЕМПЕРАТУРА ТЕЛА

- « – Больной, какая у вас температура?
- Комнатная... " —

Автобус остановился, двери открылись, и он нерешительно оглянулся на затенённый салон, в полутьме никто не стоял в проходе, желающих на выход не было, и он вздохнул с облегчением – выходить ему. Зачем-то он остановился рядом с водителем и просительно наклонил голову, но водитель равнодушно смотрел на лобовое стекло, и ему были видны только скуластая челюсть, из-за щетины кажущаяся грязной, неровно подстриженный бакенбард и низко надвинутая серая кепка.

– Я надеялся, что вы объясните мне, как найти адрес... Я здесь раньше не был, а ещё рано, народу на улице мало, вряд-ли я найду кого-то, кто покажет, куда надо идти...

– Здесь улочка отходит, неширокая. Метров триста, потом налево, ещё с пол-километра, там найдёте, – водитель говорил с неохотой, только чтобы он поскорее вышел, ему не хотелось стоять, скоро город должен был проснуться, и движение на дорогах станет активней. – Там кто-то будет, вам объяснят...

– Благодарю, – он снова наклонил голову, хотел что-то ещё спросить, но понял, что расспросы сейчас не будут уместны, всё-равно помедлил, спустился к двери, прищурившись, попытался что-то разглядеть внизу, не получилось, и, ещё раз вздохнув, он вытянул ногу, пошарил, держась за поручень,

шагнул в темноту и почувствовал, как ботинок ступил в дождевую грязь.

— Удачи, — вслед ему пожелал водитель, то-ли ему всё-же захотелось сказать что-то ободряющее, то-ли просто привычка у него была такая. Дверь с шипением закрылась, автобус, покачиваясь, прошёл мимо, и его задние подфарники растаяли в туманной серости надвигающегося утра.

В прячущейся в темноте стене домов он увидел проём, наверное, та самая неширокая улочка, куда ему предстояло направиться, и где свет ближайшего фонаря мерцал где-то вдали, совсем ничего не освещая, но создавая непроглядные острые тени и полутона, в которых громоздились геометрические плоскости и объёмы. Иногда там угадывались пасти подворотен и двери парадных, иногда светлые прямоугольники зашторенных окон, где горели неяркие ночники, освещая жилища уже проснувшихся и собирающихся по делам жителей. Здесь в самом деле ещё совсем не было прохожих, но несколько раз он ощутил, как мимо него кто-то проскальзывает, почти не видный, но его видели, видимо, хорошо — ни разу не прошли достаточно близко, чтобы задеть, или хотя-бы можно было разглядеть, что это за человек.

Он прошёл, как и предупреждал водитель, метров триста, и остановился. Ему надо было свернуть налево где-то здесь, он пытался что-то разглядеть. Уже выполз после дождя холодный туман, и начавшая разбегаться темнота сменилась не чёрной, но совсем непроницаемой для взгляда мглой,

пронизанной волокнами, уплотнениями и клубами не то дыма, не то влаги. Пахло ржавчиной, сырой землёй, один раз он уловил аромат апельсина, или чего-то другого, напомнившего ему этот праздничный запах...

Подойдя к углу здания, он попытался рассмотреть адресную табличку, но совсем не представлял, что будет делать, увидев незнакомое название улицы. Он увидел только угол здания, уходящий вверх, из старых, разошедшихся досок, с сосульками шелушившейся серо-голубой краски, он сделал шаг вправо, потом влево, но так и не увидел никаких табличек, зато потерял ориентировку и уже не смог-бы сказать, с какой стороны пришёл сюда. Потоптавшись в нерешительности, он с неудовольствием ощутил в ботинках неприятную сырость, всё-таки наступил в лужу, а ботинки старые, потрескавшиеся. Надо срочно сушить, подумал он, в такую погоду насморк подхватить, дело решённое.

Из серости перспективы на него выдвинулись две колеблющиеся тени, приблизились, и он напрягся от безотчётного чувства вторжения в его мир. Это оказались двое рабочих, спешащих на смену, уже уставшие от недосыпа и предчувствия тяжёлого дня.

– Спички есть, прикурить? – один приблизился в плотную, от него опустился запах ацетона, вайт-спирита, ещё какой-то гадости, с чем они имели дело на работе.

– Вот, зажигалка, бензиновая, – он будто оправдывался, протягивая зажигалку, – Не можете подсказать, я ищу

отель... «У..., – чорт, как его – Глеба»?...

– С непродраных глаз не то, что спички забудешь, без штанов побежишь, – добродушно сказал человек, погружая кончик папиросы в колеблющийся огонёк.

– У меня записано, и номер дома, я сейчас бумажку достану...

– Не надо, – человек возвратил зажигалку, пальцы его, с жёлтыми квадратами ногтей, чуть дрожали, но были хорошо отмытыми, хотя по ободкам ногтей прятались тёмные полосы. Краска? – Вот он, «У спящего Глеба», отель... хм..., прямо перед тобой. Другого здесь нет. Лепёшки на завтрак у него хорошие, пышные, горячие, прямо со сковороды.

– А кофе – дерьмо, – встрял до того нейтральный попутчик, и отвернулся, словно жалея, что вмешался в чужой разговор.

– Это точно, – согласился рабочий. – Вот оно как, вот прямо, три метра, вон там вывеска видна, над дверью. Спасибо за огонёк, всего хорошего...

И они ушли, растворились в ещё не разошедшемся тумане.

В последнее время (Месяц? Пол-месяца? Иногда ему казалось, что это была вся его жизнь, он не мог сказать этого с уверенностью.) его преследовали две вещи, как будто никак не связанные между собой, да и с его жизнью тоже. Тем более, что и явления это были из разных реальностей и разных сущностей...

Один и тот-же сон с постоянно меняющимся сюжетом, но неизменной сутью, он был напоминанием о созданном его воображением мираже. Он придумал себе жену, и даже назвал её выдуманным именем свою маленькую, но такую уютную кухню. И он стал воспринимать этот уголок бытия, как человека, единственного, самого близкого существа, заранее знающего твои самые сокровенные желания. Этот сон был больным напоминанием о тихом, необретённом счастье, не зависимом от грязного обмана жизни, рождающем покой и уверенность, которые совсем не соотносились с реальностями жизни. Это была как-бы сказка, переделанная из сюжетов книг и фильмов, разноцветный витраж, где герой сам строит свою жизнь, не глядя по сторонам, только в себя и свои помыслы, не обращая внимания на сонмы тёмных сил. А когда они слишком сильно досаждают ему, он небрежно избавляется от них, ни минуты не переставая быть самим собой, уверенным в себе и своей чистоте, спокойным

перед будущим, уверенным в своей удаче...

Откуда мог взяться такой глупый сон? Может быть из голливудских поделок о сверхчеловеке, знающем, что его счастье никуда от него не денется? Может быть из детских книжек, названия которых давно забылись?

Странно, но когда он неожиданно для себя сопоставлял эти два сна, ему вдруг становилась очевидной их нелепость и несопоставляемость... Они противоречили друг другу, они не могли быть частями чего-то целого, гармоничного и обоснованного...

Но ведь ещё был и антипод этих видений. Он существовал в реальности, потому что в грёзах ему не было места, только намеки, не мешающие сказке, но только подчёркивающие её волшебство.

Чёрная тень неизвестного, повсюду преследующего, проникающего в самые неожиданные места и в самое неподходящее время... Однажды этот неизвестный вдруг вдвинулся у окна, из-за шторы, за спиной начальника отдела, грозного А. В. Тиова, вызвав даже нервный вскрик и недоумённый взгляд хозяина кабинета... Но кто это был? Пятно его лица было всегда искажено злобной сардонической ухмылкой, показывающей, что ему известно нечто... А однажды, и опять в самый неподходящий момент, у него перехватило дыхание, а в сердце поселилась невидимая и неосязаемая металлическая заусеница, иногда пронизывающая грудь острой болью – А ВДРУГ этой ненавистой тени известна

его самая дорогая и тщательно укрываемая тайна?

Жена

Он назвал свою жену Лидией. Из всех женских имён это казалось ему наиболее женственным. А женой он считал свою кухню – такой уютный уголок слева от входной двери, отделённый от пространства комнаты занавеской для ванной, он как-то случайно увидел её в магазинчике мелочей для дома, и ему понравился рисунок – жёлто-зелёные бамбуковые стволы, смотреть на них было спокойно, ни о чём не думая, и это ему нравилось. На кухне был холодильник, небольшой, но надёжный, он привык к нему и о замене не думал. Стол с электроплиткой и мультиваркой. (Чайник стоял на микроволновке, которая в свою очередь покоилась на холодильнике.) Ещё имелся кухонный стол с хлебницей и с тремя полками, заставленными коробками с чаем, кофе, специями и ещё всякой ерундой.

Он приходил в это пустое сочетание плоскостей, закрывал дверь, будто отрезая себя от всего, и оставался наедине с собой. В комнате ему было скучно, там были книги, которые он помнил до строчки, после десятков прочтений и смакования особо понравившихся мест, которые менялись с течением времени и обстоятельств, был маленький телевизор с пыльным экраном, который он иногда включал для фона, когда ложился на диванчик в преддверии сна, выкуривая послед-

нюю сегодня сигарету... Нечего было делать в этой неудобной спальне, отгороженной от улицы дырявыми листьями непонятного растения, никогда не цветущего, а может быть и вовсе не живого. И он садился на табурет, укрытый красивой войлочной накидкой, включал чайник, чтобы заварить кофе. А иногда готовил что-то совсем простое и повторяющееся... Ему было спокойно, и он придумывал, какой бутерброд ему сделать к кофе. В голове всплывали лица и ситуации прошедшего дня, они уже не имели к нему отношения, они просто были и ушли, чтобы освободить место для дня, будущего завтра, и он уже заранее предвкушал завтрашний вечер, когда будет сидеть здесь-же, в этом маленьком пространстве, где никогда и никого, кроме него, не будет...

Настороженно повернул он литую холодную ручку двери, нерешительно оглянулся на начавшую просыпаться улицу, где ещё не было прохожих, но уже жило чувство, что в следующее мгновение эта пустота оживёт шагами, голосами, мельканием разноцветных пятен и движением тел. Вздохнув, он отворил чуть скрипнувшую дверь и вошёл в помещение, не зная, что его там может ждать. Конечно, ничего необычного...

Здесь было очень тепло, это он ощутил в первую очередь, и это не было тепло, охватывающее тело при входе в более тёплое пространство с холодного воздуха. Здесь в самом деле было жарко, и сразу захотелось расстегнуть пальто, сбросить его на спинку стула и ослабить узел галстука. Похоже, что здесь заботились о системе отопления, но не только это — справа от входа, у торцевой стены, где не было окон, располагался камин, настоящий, из потрескавшегося красного кирпича, и в нём горели поленья, аккуратно наколотые, небольшие, и огонь был не яркий, но от него исходили пласты тёплого воздуха и запах древесины.

Сняв шляпу и держа её в руке, он оглянулся, как-бы ища вешалку, на самом деле его это не беспокоило, он просто неосознанно проверил, нет-ли сзади, за спиной, или в углу у двери кого-то... Потом повернулся к располагавшейся на-

против двери стойке, за которой стоял хозяин заведения... как его? Спящий Глеб? Может быть он и спал стоя и с открытыми глазами, потому что при появлении клиента ничто не отразилось ни на лице его, большом, с грубым рельефом морщин под почти квадратными провалами глазниц, как у странной птицы, часами сидящей на скале, подобно часовому вечности, ни в фигуре его, будто живущей в глыбе застывшего стекла, которую обтекает вечность, и время проходит мимо, махнув рукой. Таков был Спящий Глеб, и было ощущение, что таким он был всегда, и существовал всегда именно таким, не меняясь с самого его явления в этом мире.

И всё-таки Спящий Глеб не спал, потому-что при приближении гостя его почти невидимые губы чуть шевельнулись :

– Чай, кофе?

– Кофе. Просто кофе, без сахара и молока. И... яичницу, если можно...

– Ветчина?

– Нет. Просто пару яиц.

Не поворачивая головы и не повышая голоса Глеб проговорил :

– У нас посетитель. Чёрный кофе и яичница из двух яиц.

Сказанное относилось к небольшому окошку справа от Глеба, и там, видимо, слышали, потому что почувствовалось движение, раздались звуки кухни, такие привычные.

– Мне-бы ещё...

– Комнату?

– Да, я здесь по работе... Два-три дня... не больше.

– Комната на двое суток и завтрак. Восемнадцать, сорок.

Распишитесь в книге. Имя?

– Простите? А, да... Сн – ов. Командировка от мэрии.

– Сн – ов... Распишитесь здесь. – хозяин сгрёб выложенные на стойку деньги. – От мэрии. Интересно, что здесь могло понадобиться мэрии? Это как верблюд забредёт в Антарктиду. Не знаете?

– Нет, я не был в Антарктиде. А я здесь для получения некоторых данных об особенностях и недостатках инфраструктуры...

– Понятно... Нет здесь никаких данных. Как в Антарктиде. Впрочем, ваше дело. Комната два, по лестнице вверх, справа. Туалет в коридоре слева.

В окошке появился край подноса, на котором стояли чашка кофе и блюдо с яичницей. На пластмассовой тарелочке лежали три истекающие маслом жёлто-коричневые лепешки. В розетке было что-то жёлтое, похожее на соус, но потом оказалось, что это мёд. Очевидно было, что лепёшки здесь являлись фирменным блюдом, и ими наделялся любой посетитель без специального уведомления. Впрочем, они действительно были хороши.

Выбрав столик у окна, он наконец освободился от пальто, накинув его на спинку стула, и вернулся за подносыком. Глеб, видимо, решив, что исполнил свои святы обязанности гостеприимного хозяина, вернулся в обычное состояние.

И это было хорошо и вселяло уверенность в жизни.

Он медленно съел яичницу и принялся за кофе, действительно оказавшийся со странным привкусом, который немного перебивали кусочки лепёшки, обмакнутые в мёд. Его не покидало чувство настороженности – слишком всё обошлось гладко, и это было не то, чтобы неправильно, но всё-таки дело было непривычным, новым для него, статистика не входила в его номенклатурные обязанности, и он ожидал подвохов... Впрочем, за дело он ещё и не взялся. Покосившись на портфель, он подумал, не просмотреть-ли ещё раз лежавшие там документы, но решил заняться этим наедине, в комнате, где не будет отвлекающих факторов, и можно будет полностью отключиться от окружающего.

Помещение наполнялось людьми, дверь приотворялась, впуская порции ночной сырости, и это действовало ободряюще. Заходили по двое, трое, устраивались за столиками, которых было только три, или становились к стойке. По сторонам камина к стене были привинчены две доски, опирающиеся на точёные ноги, люди ставили свои подносики на них, принимались за завтрак, нахохленные, как ночные лесные птицы. Сначала это были рабочие, они быстро уходили, переговариваясь короткими фразами, от них пахло трубочным табаком, или дешёвыми папиросами, они были хмуры и не оглядывались по сторонам. Потом стали появляться служащие офисов. Эти были общительнее, они раньше выходили из дому, чтобы иметь время по дороге пообщаться со знакомыми, узнать новости, или рассказать свои.

За его столик уселись двое, в одинаковых серых плащах и костюмах в тонкую полоску, в одинаковых диагональных галстуках, видимо сослуживцы, из какой-то конторы по продажам, они в пол-голоса стали обсуждать котировки акций, поглядывали по сторонам или в чашки кофе, и Сн – ов решил, что пора уходить из зала. Когда он проходил мимо хозяина, тот, не поворачивая головы, но так, чтобы его было слышно, проговорил :

– Ключ в двери, бельё в тумбе. Обед после двенадцати.

Он задержался, поглядел на Спящего Глеба и сказал :

– Всё дело в причинах. Главное – понять причины.

– Вы чертовски правы, приятель, – отозвался хозяин. –

Особенности и недостатки именно в причинах. Только они от нас не зависят.

Ему захотелось возразить, но он не мог сразу сообразить, что сказать и только кивнул и пошёл по лестнице, неся пальто, перекинутое через руку, в которой он держал шляпу.

Комната оказалась такой, как и предполагалось, чем-то похожая на его собственную спальню. Здесь не было полок с книгами и репродукций известных художников в дешёвых рамках, а за растением на подоконнике, похоже, тщательно ухаживали. За окном уже был день, но солнце ещё не согрелось, и его свет не был тёплым.

Он повесил пальто на плечики, пиджак на спинку стула, ослабил узел галстука и прилёг на плоскую кровать, чтобы дать отдых ногам. Ботинки он поставил на тёплую ребристую поверхность старого радиатора отопления.

Нелепое создание человек. Какое-то неопределённое. Обиженное жизнью, обиженное смертью. Тело его принадлежит материальному миру и подвержено всем его напастям, влияниям и взаимодействиям. Оно подчинено его непреклонным законам, и не умеет отгородиться от их неумолимого воздействия. А душа здесь незнакомый гость, к которому относятся предусмотрительно, не зная, что он из себя представляет, и чего от него можно ожидать. Но гость прихо-

дит и уходит. Иногда он оставляет записку в памяти людей, иногда его посещение проходит без следа, и никто не знает, что он был здесь, просто в роли наблюдателя, или звена какой-то цепи событий, но звена незначительного, важного только своим присутствием. И он сам понимает свою незначительность, и старается её презреть, выстраивая себе заметную роль в обществе. У некоторых это получается в силу их энергии, направленной на достижение определённой цели. Но многие так и остаются ничтожеством, упиваясь призрачной властью, которая основывается лишь на деньгах и вхождении в определённые круги, где главное – круговая порука.

Он думал о своём боссе А. В. Тиове. Они были знакомы уже двенадцать лет, когда того перевели с окраины в центральную администрацию вторым заместителем отдела коммуникаций, а Сн – он из младших клерков стал специалистом со своим рабочим столом. У них не было ничего общего, и они так и не сблизились за эти годы, хотя босс, тогда ещё не ставший Всесильным Боссом, никак не показал себя с отрицательной стороны. Он просто был из другого слоя жизни и на подчинённых смотрел только как на инструмент для поддержания своего положения и возможностей продвижения по службе. Он был карьеристом, но не из истеричных, ломающих покой и порядок учреждения, а карьеристом вдумчивым и объективно сознающим свои реальные возможности.

Никаких отрицательных эмоций эти размышления не со-

держали, он сам не понимал, зачем он думает о боссе именно сейчас. А потом он задремал, потому что знал, что предстоящая работа – чистая формальность, требующая грамотного отчёта, содержащая цифры и факты, но вряд-ли будет иметь практическое применение, мелькнёт где-то в реестрах статистики и благополучно канет в лету пыльных архивов, или папок компьютерных файлов за бессмысленным кодом шестизначного номера. Многие-ли наши работы, дела, расчёты, ожидания и надежды воплощаются в реальность, улучшая жизнь людей?...

Ему снилась Лидия. Но не кухня, а женщина, странно напоминающая лицом и фигурой знакомую, которая когда-то занимала в его жизни большое место, но место это так и не было реализовано по причинам, ему до сих пор не понятным. Да он и не старался их понять, ведь всё-равно это давно прошло и возврата к нему быть никак не могло. Как... например, как к вчерашнему дню...

Время белых ночей ещё не пришло, день уходил быстро, и когда он открыл глаза, за окном было темно. Неужели он проспал весь день? Конечно, предыдущая ночь была слишком короткой, но он привык засиживаться за работой до поздней ночи, обычно это не ломало графика дня, и проспать до вечера было аномалией. И не было тяжести долгого сна, будто он спал не больше часа. Включив свет (ноги подгибались, как если-бы он действительно лежал очень долго), он глянул на свои старые потёртые наручные часы, не поверил глазам, потряс рукой и приложил часы к уху. Они исправно отсчитывали мгновения, секундная стрелка судорожно перепрыгивала деления секунд. Было всего одиннадцать часов дня. Но почему темнота за окном? Может быть нагрянула ранняя весенняя гроза, и небо затянуто плотным одеялом чёрных туч? Подойдя к окну, он нагнулся над листьями неведомого цветка, намереваясь разглядеть творящееся снаружи, но там была ночь. Глубокая чёрная ночь, ущелье улицы, где внизу шевелился покров теней, по улице двигался сплошной поток людей, в полной тишине люди шли, как живая река, мерно двигались руки, подошвы ботинок шуршали по брусчатке, и в этом шествии не было объяснения и осмысленности...

Он вдруг ощутил присутствие своего таинственного спут-

ника, тоже напрочь лишённого смысла, и вот это действие за окном явно было связано с ним. Чёрный человек, как тень, преследующая своего хозяина. Необъяснимое воплощение тёмной стороны души, всего, что порабощает, и с чем невозможно справиться. Конечно, ему были знакомы классические образы этого явления. Ворон Эдгара По, Чёрный человек Есенина, Голем Майринка, Человек без лица Бестера. Но своего чёрного человека он не боялся, его это не трогало. Только неожиданные появления действовали на нервы, как ночной скрип половых досок в пустой квартире, где заведомо не было никого, кроме него, как вдруг бросившаяся под ноги тень пролетевшей птицы в ясный день, или неожиданно вырвавшийся сзади автомобиль, приближения которого не слышишь, задумавшись неизвестно о чём... Его кошмар не был кошмаром, но был надоевшей загадкой, которую не хотелось разгадывать, если-бы не постоянная, зудевшая мысль – что ему надо? Ведь у любого явления должна быть причина, должен быть смысл, как у любого явления, соотносящегося с человеком. Для этого надо это явление осмыслить. А для того, чтобы осмыслить, нужны какие-то определяющие точки, мотивы, связи, взаимодействия. Здесь не было ничего. Он просто появлялся, чтобы исчезнуть и снова явиться в любое мгновение. И эти явления не определялись поступками, или мыслями, или побуждениями – им не было причины. Как внезапное и нестерпимое ощущение зуда где-то на теле, куда невозможно дотянуться рукой. Или чувство

чужого взгляда. Постоянное нестерпимое ощущение присутствия кого-то рядом, невозможность остаться наедине с собой, это угнетало и вызывало ощущение некого наказания за проступок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.